

Е. Н. Пенская

СТРУКТУРИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ СРЕДЫ. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Аннотация

Автор намечает подходы к изучению устройства и состояния гуманитарной среды в историческом контексте. В статье проанализированы специфические для российского социума формы организации гуманитарной жизни, науки и образования, начиная с 1920-х годов и до настоящего времени. Новый порядок «эпохи нулевых», с одной стороны, воспроизводит советские черты с их концентрацией пространства, пароллями, делением на «своих» и «чужих», а с другой – через СМИ и Интернет выстраивает новую конфигурацию, еще только подлежащую описанию.

Понятию «гуманитарная среда» нелегко дать четкое определение. Для простоты предположим, что в ее состав входят гуманитарии – представители академического и научного сообщества (гуманитарные науки в данном контексте – все «не-естественные» дисциплины, а дифференциацию внутри гуманитарных дисциплин придется оставить за скобками), а также люди творческих профессий. Однако в наших рассуждениях будем постоянно иметь в виду, что вынужденные упрощения чреваты искажениями, а порой и злокачественными ошибками, и по возможности – оговаривать те сферы (а их множество), которые не подлежат однозначной трактовке.

Существование отечественных гуманитариев эпохи «нулевых» обусловлено четырьмя факторами: первый – отсутствие какой-либо систематизированной истории гуманитарной среды, гуманитарной науки, проглядывающей разве что, да и то отчасти, в мемуарных зарисовках, беседах, фрагментарных исследованиях отдельных эпизодов; второй – разные условия и возможности самореализации (региональные / столичные, разный доступ к ресурсам и т. д.), третий – утраты 2004–2007 годов, когда как-то сразу ушло из жизни старшее «структурообразующее» поколение гуманитариев; и как следствие, продолжение реструктуризации, фактор четвертый – гетерогенность, высочайшая раздробленность, отсутствие ориентиров, мейнстрима, резкий разрыв между маргинальной высококолобостью и массовыми («попсовыми») элементами гламура, официоза, «бестселлеров», которыми изобилует сегодняшнее гуманитарное пространство. Разброс мнений, подходов, «языков описания» вероятно широк и сам по себе требует некоторой систематизации.

Так, к примеру, «дисциплинарный подход» дает отчетливые показатели расслоения среды. «Даже невооруженным взглядом легко различить, что в семействе гуманитарных дисциплин одни его члены "равнее" других». По данным опроса РОМИР, комплекс гуманитарных дисциплин делится на три группы, согласно признакам востребованности в современном российском обществе, популярности среди студентов и абитуриентов: «лидеры» – это экономика и право, «перспективные» – социология, психология, международные отношения и политология, «аутсайдеры» – филология, история, культурология, педагогика и философия¹.

Такое деление явилось следствием и не в последнюю очередь реакцией на целый ряд структурно-типологических процессов, происходивших в гуманитарной среде в 20–30-е, 40-е, 60-е, 70-е годы прошлого столетия. Исследования же данных процессов, как правило, укладываются у нас в две схемы. Первая воспроизводит логику «реванша», согласно которой принято считать, что разрушение прежних и возникновение новых связей в науке и культуре тех лет протекало под знаком погрома и репрессий, а осмысление последствий числилось по ведомству «гонимых и потерпевших», «жертв и насильников». По этой схеме строилось большинство публикаций раннего постсоветского периода [1].

Схема вторая, являясь методологической, науковедческой, тем не менее нередко воспроизводит советскую мифологию и апробированные устаревшие конструкции, замаскированные обильным цитированием новейшей литературы [2].

Изучение источников [3], однако, показывает, насколько сложным и нелинейным на самом деле было взаимодействие науки и власти, в первую очередь обусловившее устройство гуманитарной среды и образования.

20-е годы можно считать «великой пробой пера», когда почерк регулирования лишь нетвердо устанавливался и часто менялся, а модели государственного управления наукой, разработка и внедрение в жизнь политических и идеологических программ только складывались в экспериментальном режиме, нередко интуитивно и хаотично, напоминая любительские импровизации. Вмешательство в те годы еще не стало спланированной системой акций, а потому не сразу дало катастрофический и губительный результат для научной мысли и самой стилистики академического общения. Приемы и технологии, столь отлаженно действовавшие в последующие десятилетия, тогда только отрабатывались. 20-е – это большая репетиция разношерстного оркестра, в котором нет целостных музыкальных групп, партий, а на роль дирижера претендуют, порой

¹ См.: Юревич А. В. Расслоение российского научного сообщества // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М., 2005. С. 228–229.

одновременно, случайные субъекты. Слаборегулируемая какофония, живущая по своим законам, нередко оказывалась крайне продуктивной. Именно на эти годы в гуманитарии приходится расцвет (и разгром) «формального метода» в науке о литературе, расцвет (и разгром) исторической психологии, основы которой закладывались именно в ту эпоху, расцвет – и опять-таки разгром – русской психоаналитической школы и, наконец, «расцвет» марризма и разгром прочих направлений отечественной филологии и лингвистики².

Излишне напоминать, что доминирующей формой структуризации бытовой повседневности гуманитарной среды тогда была большая коммунальная квартира, «Ноев Ковчег», общий дом, общежитие, куда вынужденно и добровольно селилась творческая и научная интеллигенция (прежде всего в силу экономических обстоятельств). Начиная с 1918 года «создание хаоса» стало единственно различимой «рациональной» стратегией управления: снятие границ и перегородок, введение функционально пересекающихся дублеров и бесконечно новых секторов в рамках одного и того же академического института, перемешивание историков и филологов всех направлений без разбора: лингвистов, гебраистов, классиков, индологов, вавилонистов, медиевистов – вместе со всеми издержками коммунального быта (скандалами и жалобами) – «парадоксально способствовало развитию разнонаправленных интересов, облегчало междисциплинарные связи, в какой-то мере – служило компенсацией за нарушенные международные и межрегиональные контакты»³.

Дискуссия, в ходе которой идеология превращалась в новую религию, будучи одной из основных форм жизнедеятельности гуманитарной среды, по своей атмосфере часто напоминала свару, временами переходящую в настоящую идеологическую оргию с примесью религиозного экстаза. В этих дискуссиях не всегда легко уловить рациональный ход, выстроить смысловые линии, так как в них участвует множество лиц, явствует внеакадемическая подоплека, а совокупность мотивов (бытовых и личных в том числе), лежащих за пределами научных интересов, переключает происходящее в пространство иррационального скандала⁴[4]. Нередко оказывается не просто важным, но и принципиальным понимание устройства среды – в первую очередь для правильной интерпретации той или иной концепции, ее истоков, интеллектуального оформления. В филологической среде, к примеру, не раз в последнее время обсуждался контекст, в котором складывалась научная позиция М. М. Бахтина как отторжение «формального метода», неприятие круга «формалистов», нежелание входить с ними в какие-либо коммуникации.

² См.: Фрумкина Р. М. Размышления о самосознании лингвистов и филологов (этические аспекты). Светлой памяти Ю. А. Шрейдера // Интеллектуальный форум. М., 2000. № 3. if.russ.ru/issue/3/20010525_frum.html.

³ Перлина Н. Н. Общий хор и отдельные голоса // Новое Литературное обозрение. 2006. № 82. С. 46.

⁴ См.: Иегошуа Я. Подавление философии в СССР (20–30-е годы). Chalidze Publication, 1981. См. также публикацию текста в: Вопросы философии. 1991. № 9, 10.

В противостоянии современникам, поддерживающим «формальный метод», в монологическом споре, односторонней полемике рождались идеи диалогических структур⁵. Не исключено, что интерпретация М. М. Бахтиным скандала как основного контрапункта романов Достоевского вырастает именно из атмосферы дискуссий 20-х, активно способствующей формированию корпуса научных, публицистических текстов и имен, биографий, вошедших впоследствии в отечественную гуманитарную мифологию, которая все еще не стала вполне объектом грамотной демистификации. «Судьба этого богатого на дарования поколения, в лучшем случае печальная, а чаще ужасная, делала и делает тональность обращения к их наследию несколько апологетической»⁶ [5].

Тем, кто занимается историей науки, известно, что катастрофа в гуманитарной сфере и шире – в мире советских научно-академических знаний произошла во второй половине 40-х годов.

Примерно с середины 50-х в разных областях гуманитарной науки и гуманитарной среды начинаются перемены. Касаясь их, Р. М. Фрумкина писала: «"Новая" лингвистика возникла в СССР одновременно с "реабилитацией" кибернетики и во многом благодаря живому участию уцелевших представителей раннего отечественного структурализма (А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров) и выдающихся русских математиков (это прежде всего А. А. Ляпунов, А. Н. Колмогоров и А. И. Берг). Они поддержали пришедшее тогда в науку молодое поколение, окончившее университет в середине пятидесятых годов.

Впрочем, начиная с "оттепельных" времен, действительная роль структурных идей в СССР и масштабы их влияния были много шире и значительнее, чем устремления и достижения "новой" структурной лингвистики. Именно структурализм в широком его понимании позволил сформировать этос гуманитарных наук, среди которых начиная с середины 60-х наибольший социальный и культурный резонанс получили труды тартуско-московской школы.

Резонанс исследований, которые так или иначе соотносились с идеями этой школы, быстро распространился за пределы изучения литературы, языка и даже знаковых систем как таковых. Тома тартуской "Семиотики" и "Тезисы" Летних школ по вторичным моделирующим системам были популярны не только среди окружения их авторов, в том или ином виде объединенных именами Лотмана,

⁵ См.: *Гаспаров М. Л.* М. М. Бахтин в русской культуре XX века // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры. 1997. С. 494–496. История «гаспаровского» взгляда на Бахтина проанализирована в комментарии к переизданию этой статьи в кн.: Михаил Бахтин: Pro et Contra / Под ред. К. Г. Исупова в 2-х т. Т. II. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2002. С. 507–510.

⁶ *Брагинская Н. В.* Славянское возрождение античности // Русская теория: 1920–1930-е годы. М.: РГУ, 2004. С. 51.

Аверинцева или Пятигорского. Эти специальные труды читались и ценились немалым числом интеллектуалов, профессионально не связанных вообще ни с какой филологией, искавших в них не конкретику, а прежде всего опору для духовного противостояния тоталитарному мышлению и, шире говоря, тоталитарному идеалу существования»⁷.

Институализация новых групп в гуманитарной среде и науке 50–60-х годов параллельно шла в разных областях (в лингвистике начавшись раньше, чем в других научных дисциплинах) за счет возвращения и осмысления опыта 20-х, а также первых попыток открытого обращения к работам европейских и американских исследователей. За десятилетие сформировался особый тип гуманитария-методолога, не потерявшего свою привлекательность вплоть до конца 80-х годов, а в 90-х эволюционировавшего в сторону загадочной и экзотической «породы» игротехников (по одной из линий – ближайших «родственников» политехнологов, нередко нуждающихся друг в друге).

Методологический семинар этого памятного десятилетия стал той синтетической формой образовательного (для аспирантов прежде всего), научного и вненаучного общения, каноны которого сохраняли свою актуальность еще и в начале 80-х. У истоков этой формы структуризации стоял сектор методологии истории, возникший в 1984 году в рамках Института истории АН СССР. После дробления института в 1968-м (не в последнюю очередь в связи с «делом Некрича» [6]) сектор вошел в состав Отдела общих проблем всемирно-исторического процесса Института всеобщей истории, сыграв роль катализатора многих гуманитарных направлений того времени. Первоначальной задачей сектора стало возрождение философии истории через постановку проблемы смысла истории как судьбы человека, вычеркнутой из российского миропонимания вместе с высылкой профессуры в 1922 году. Официальное название сектора являлось в известной степени обманчивым, поскольку реальные исследования, проводимые им, были гораздо шире и масштабней намеченных в исходных документах. Сектор включал в себя несколько профессиональных групп. В него входили философы: В. С. Библер, который организовал семинар «Диалог культур», ставший в последние годы одним из подразделений ИВГИ РГГУ, и руководил им более 25 лет; А. С. Арсеньев, логик, разрабатывавший идею развития общества как личности, а позднее увлекший многих обоснованием космологических систем; Л. Б. Туманова.

Сотрудничество историков и философов, пожалуй, впервые выразилось столь полно в практике академических институтов; точкой отсчета их совместной работы следует считать 20-е годы, и оттуда как бы в естественном порядке возвращался «оркестровый», дискуссионный принцип. За один 1968 год была прочитана

⁷ Фрумкина Р. М. Размышления о самосознании лингвистов и филологов. С. 48–49.

серия культурологических докладов, непрерывно работал семинар по текстологии. Отчеты о работе за 1964–1968 годы, составляемые М. Я. Гефтером, лидером сектора, – это фундаментальный срез, уникальная картография ключевой части гуманитарной научной жизни. В течение короткого периода сектор стал мощным средообразующим фактором. При нем начали работать творческие группы теоретического источниковедения под руководством С. О. Шмидта, социальной психологии под руководством Б. Ф. Поршнева. На межинститутском семинаре по вопросам структурного анализа и типологии истории, возглавляемом М. А. Баргом, были, в частности, заслушаны доклады В. В. Иванова и А. А. Зиновьева, а Г. С. Померанц прочитал свое сообщение о роли масштаба времени и пространства в моделировании исторического процесса в дружественном секторе Ю. А. Левады. «Возникла потребность в иных словах, ритмах, идеях, наконец, и в осмыслении прежнего трагического пути»⁸[7]. История разгрома этих структур подробно изложена в научных работах и воспоминаниях [8], а в настоящем номере журнала мы публикуем архивные материалы на эту тему.

Все происходящее в гуманитарной науке весьма неоднозначно отзывалось в образовательной университетской среде, более консервативной, защищавшей себя от новаторства. Данный вопрос практически не исследован. Известно, что исторические факультеты МГУ, ЛГУ стремились полностью сохранить контуры, выстроенные в ходе реформы 1934 года, которая оставила крошечные островки относительной свободы для медиевистики и истории древнего мира⁹, этих «чистых сфер», наиболее удаленных от злобы дня. Педагогические институты им. А. И. Герцена (Ленинград) и им. В. И. Ленина (Москва), традиционно исполнявшие вторые роли в общем идеологическом спектакле, могли бы давать пристанище опальной профессуре, однако их руководство строго следило за соблюдением квот при зачислении в штат или на совместительство «сомнительных» преподавателей [9]. Характерно, что авторами статьи – доноса, приведшего в действие репрессивные механизмы против сотрудников гефтеровского сектора, были трое: доктор исторических наук А. Корнилов и два доцента МГУ – Н. Прокопенко и А. Широков¹⁰.

Все же благодаря мощному воздействию семиотических идей на гуманитарную науку¹¹ начало 60-х можно считать кратким временем

⁸ *Неретина С. С.* История с методологией, или конец истории // Век XX и мир. 1996. № 1. С. 120–161.

⁹ См.: *Гордон А. Я.* Восстановление исторического образования (1934–2004) // Проблемы университетской культуры в России. Материалы международной конференции. СПб., 2003. С. 34–49.

¹⁰ *Корнилов А., Прокопенко Н., Широков А.* Под видом научного поиска // Советская Россия. 28.02.1970. С. 3–4.

¹¹ Не случайно первую научную конференцию по семиотике в 1962 году открыл А. И. Берг, академик, адмирал, председатель Совета по кибернетике. Программа первого симпозиума по структурному изучению знаковых систем была разнообразна: она включала проблемы семиотики искусства и фольклора, структурного анализа мифа и религиозных культов, поэтических и музыкальных текстов – и многое другое.

прорыва в гуманитарной образовательной системе. В ту пору интенсивно создавались научно-исследовательские лаборатории и исследовательские институты, ориентированные на семинарский, лабораторный формат (Институт славяноведения АН СССР)¹². И одни из первых образовательно-исследовательских гуманитарных проектов: московско-тартуская семиотическая школа¹³ и открывшееся в 1960 году на филфаке МГУ ОСИПЛ – отделение структурной и прикладной лингвистики. Этапы истории отделения, расцвета, зрелости и разгрома в начале 80-х детально изложены А. Е. Кибриком¹⁴, с 1992 года возглавившим ОСИПЛ, и В. А. Успенским, одним из старейших его сотрудников¹⁵. За два десятилетия, пока осуществлялся этот проект, сложились его уникальные и вместе с тем типовые черты, сыгравшие созидательную, и одновременно разрушительную роль:

— отделение начиналось как небольшая группа единомышленников, профессионалов высочайшего класса, возглавляемых В. А. Звегинцевым;

— отделение заявило о себе как открытая (по отношению к внешнему миру – контактами с зарубежными и российскими специалистами, новым форматом научных мероприятий – семинарами, конференциями, издательской деятельностью) и закрытая, фрондирующая среда, «белая ворона» (разделение на «своих» и «чужих» остро осознавалось на факультете, а «неконтактность» Звегинцева и его главный принцип – «не мешайте нам работать» – раздражал окружающих, увеличивая число врагов и недоброжелателей);

— отделение почти с первых шагов использовало новую стратегию – работу по хоздоговорам. Уже в мае 1962 года был заключен первый в истории гуманитарного образования хозяйственный договор. Впоследствии эта практика сотрудничества с промышленностью и отраслевыми НИИ стала вполне обычной, договора появились и на других кафедрах. На кафедре структурной и прикладной лингвистики их число временами переваливало за десяток, вовлекая в работу более сотни человек. Хоздоговорная форма научной работы была задумана как способ материальной и организационной поддержки перспективных научных направлений в вузах,

¹² Лаборатория машинного перевода и проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике создана в эти годы В.Ю. Розенцвейгом в Институте иностранных языков им. Мориса Тореза. Его по праву называли отцом кибернетической лингвистики в СССР. Розенцвейг – подлинный организатор науки, фигура, не вполне оцененная до сих пор.

¹³ См.: Успенский В. А. К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.

¹⁴ Кибрик А. Е. Из истории кафедры и отделения структурной/теоретической и прикладной лингвистики (ОСИПЛ/ОТИПЛ): 1960–2000. <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/history.php?page=4>

¹⁵ Успенский В. А. Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР; В. Ю. Розенцвейг: Как это начиналось (заметки очевидца) // Festschrift für Victor Jul'evic Rozencveig zum 80. Geburtstag. // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 33. Wien, 1992.

дающий им свободу кадрового маневра, расширяющий их научный потенциал и в то же время сближающий учебный процесс с практикой. Она является советским аналогом западной системы научных грантов, на которую сейчас переходит вузовская система образования. Примечательно, что, например, в МГУ благодаря этой новой форме организации работы гуманитарная кафедра сближалась с естественными факультетами [10];

— на отделении складывался принципиально новый стандарт качественного гуманитарного образования, в который входило несколько обязательных компонентов. Во-первых, усиленное изучение математики на протяжении всего периода обучения, причем престижная позиция математики определялась ее репутацией основного претендента на роль общей философии науки. Во-вторых, максимально углубленное освоение фундаментальных гуманитарных и лингвистических знаний. В-третьих, особое внимание к русскому языку как основному объекту прикладных исследований. В-четвертых, интенсивное изучение иностранных языков в практическом плане. Параллельно с учебным процессом шла работа по организации научной деятельности в семинарах и лабораториях, проводились регулярные экспедиции, а полевые исследования стали основной частью научно-образовательной жизни;

— разработка и проведение олимпиад – ноу-хау ОСИПЛ, уникальный опыт, объединивший разные цели и виды проектной деятельности: рекламные, воспитательные, творческие и академические. Олимпиады, в которых с одинаковым энтузиазмом участвовали студенты, аспиранты и преподаватели, проводились с 1965 года до начала 80-х и, безусловно, приобрели характер мощного средообразующего фактора. После «черной полосы» ОСИПЛа, наступившей в 1982-м, когда для его ликвидации потребовалась старая испробованная репрессивная триада – «смещение», «слияние» и «смешение», – лингвистическая олимпиада состоялась лишь в 1988 году, в Историко-архивном институте;

— на отделении с первых лет его существования сформировался «марочный» тип студента-осипловца, «отличительной чертой которого была уверенность в том, что здесь занимаются делом, требуют по счету мировой науки... Сильны были внутренние горизонтальные и вертикальные связи внутри отделения, при которых первокурсники лучше знали пятикурсников ОСИПЛа, чем своих же сокурсников с других отделений. И что еще более необычно, пятикурсники их тоже знали. В 70-е на отделении еще сохранялись традиции 60-х годов, причем не только какие-то конкретные идеи, а, скорее, стиль мышления, отличающийся строгостью и простотой»¹⁶.

¹⁶ Филология и филфак глазами трех поколений. Материалы «круглого стола» // Знание – сила. 1989. № 3. Опубликовано также на сайте: Русский журнал. 25.12.2001. www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20011225.html

В итоге для состояния, в котором к концу 70-х – началу 80-х годов оказалась гуманитарная среда и гуманитарное образование в России, ключевыми стали следующие факторы:

— «протестный» характер (по данным статистики, 78% «подписантов» поставляла именно эта среда¹⁷), предполагавший три «личных сценария»: диссидентство, либо многолетнее писание «в стол» и аутсайдерство, либо эмиграция;

— дифференциация гуманитарной сферы, разделение ее «участков» на более и менее значимые, передача эстафеты общественной значимости литературоведению, иррадиация целого ряда гуманитарных дисциплин в филологию, а затем в культурологию;

— филологизация, филологоцентризм гуманитарной среды;

— поиски альтернативных форм, деидеологизация гуманитарной науки как новая идеология.

Следствием этих процессов можно считать существование гуманитарной среды и образования в «зазоре» между двумя «Пантеонами». Фундамент первого «Пантеона» составлял список классики, бесспорная скрепляющая основа национальной культуры и самосознания¹⁸. Основой второго стали новые канонизированные имена и «протестные» феномены: Солженицын, Сахаров, Таганка... Список этот был достаточно широк, и границы его подвижны, каждая микросреда актуализировала свои имена, наиболее ей близкие и полезные. Однако логика канонизации была схожей. Согласно ей интенсивно создавалась новая национальная мифология, активно сотрудничающая с первой, базовой, и дополняющая ее. В результате гуманитарный канон пополнился именами Аверинцева, Лотмана, Мамардашвили, Иванова – людьми абсолютно разными, но одинаково востребованными именно в качестве носителей абсолютно необходимых в ситуации идеологического вакуума новых смыслов и ценностей. Не случаен «уход» ряда знаковых фигур в «культурологию», которая вскоре приобрела отчасти эстрадный, театральный, концертный статус и явилась вместе с тем способом социального эскапизма для целой среды. Доминирование филологии сформировало даже особый тип «гуманитарного человека-слушателя и зрителя», отличающегося от естественно-научного, хотя аудитория была достаточно широка и процесс огуманитаривания захватывал соседние среды. Лекция стала главным жанром, организующим гуманитарный быт тех лет. «На лекции ходили, как на концерты»¹⁹.

¹⁷ Деятели русской науки XIX–XX веков: Ист. очерки / С.-Петербург, филиал Ин-та истории естествознания и техники РАН; Науч.-информ. центр «Мемориал»; Редкол.: Мелуа А.И. (пред.) и др. СПб. Вып. 2. 1993. С. 159.

¹⁸ См.: Журавлева А.И. Русская классика как национальная мифология // *Нация как наррация*. М., 2003.

¹⁹ Седакова О.А. Филология и филфак глазами трех поколений. Материалы «круглого стола» // *Знание – сила*. 1989. № 3. С. 54. Любопытно, что М.Л. Гаспаров обращает внимание на то, что Седакова произнесла слово «заменяла». Филология, по мысли Седаковой, заменяла искусство, идеологию и прочие вещи, необходимые для нормального функционирования образования. Филология в ту пору взяла на себя не свойственную ей роль «первого лица», что в дальнейшем имело достаточно пагубные последствия для филологии как науки и гуманитарного образования в целом.

Другой жанр нового гуманитарного канона – специфический «домашний семинар», где не менее интенсивно концентрировалась среда и формировались идеология, язык, культурная и интеллектуальная повестка, что продолжалось вплоть до середины 80-х. Нина Брагинская пишет: «Ядром понятия "домашний семинар" я склонна считать научную или учебную или научно-учебную коллективную деятельность, регулярно осуществляемую в сугубо частных условиях. Содержание этой деятельности общественно значимо и публично – научная работа, исследование и обучение, форма приватна – дружеская встреча, "гости", чаепитие. Научный домашний семинар – это *contradiction in adjecto*, такой тип семинара и расплодился в 70-е. Остальные формы – философские, поэтические, религиозные собрания, с самоназванием "семинаров", будем считать кузенными формами, а научную форму – центральной, раз самоидентификация остальных прибегала именно к научной номенклатуре. ...Образовательная система производит когорты, которые к моменту резкой смены климата оказываются без места. Социальные маргиналы увековечивают свое состояние младших, потому что общество больше не нуждается в той роли, к которой этих людей готовили. Удел их – быть никем, вести призрачное существование, т. е. удел героев "Козлиной песни". Их преподаватели, получившие статус еще при прежнем режиме, имеют шанс сохранить профессиональную идентичность. Социализм 70-х был столь зрелым, отрицательный отбор был таким безотказным, что сама выброшенность на обочину зачастую была половиной рекомендации, тогда как успешность – наполовину компроматом»²⁰.

Структура гуманитарной среды той поры, как и позже, носила отчетливый авторский, концентрический характер; ядрами ее были «лидеры», вокруг которых шла структуризация. Этот опыт был практически непередаваем и нетиражируем, и «проблема преемника» всегда носила характер однозначной трактовки: идеи, попадая в руки адептов, выхолащивались, а порой окарικатурировались.

Побочное следствие этих сопровождавших культурный процесс аномалий – вырождение института критики, поскольку любая попытка подвергнуть сомнению или анализу тексты/высказывания культовых фигур сразу получала социальную окраску и интерпретировалась как донос.

Кружковая и семинарская традиция, обеспечивая единство гуманитарной среды вплоть до начала-середины 80-х, сказывалась двояко: с одной стороны, она «оберегала» замкнутость, деление на «своих» и «чужих», а с другой – помогала сохранить очаги культуры и профессионализма, сформировать тип «кустового человека», чей коммуникационный опыт пригодился в перестроечную и постперестроечную эпоху. Не случайно именно в этой среде сложились продуктивные группы-долгожители, продолжившие свой рабочий срок

²⁰ Брагинская Н. В. Домашние семинары 1970-х. Материал к выступлению. http://www.russ.ru/culture/krug_ chteniya/domashnie_seminary_1970_h Русский журнал. 7.12.2006.

за «порогом дома». Так, к примеру, гефтеровский круг учеников и собеседников, расколовшись на отдельные, порой враждебные и враждующие составляющие, породил тем не менее ряд проектов, под знаком которых складывалась новая гуманитарная среда. Создание альтернативной образовательной системы: гуманитарного университета, построенного Юрием Афанасьевым, и ФЭПа, возникшего благодаря усилиям Глеба Павловского²¹, – явилось реализацией идей, казалось бы, совершенно разных и несовместимых, однако восходящих к одному и тому же корню, к одной и той же эпохе «домашнего Гефтера». Сюда же следует отнести и другой общеизвестный пример – семинар Юрия Левады, из которого вырос ВЦИОМ, а позднее Левада-центр. Подобных более или менее крупных явлений немало. Правда, изучение их проекций в образовательную среду 1990–2000-х, трансформация «материнской» клетки и катастрофически быстрая исчерпанность, растрата интеллектуального запаса, копившегося несколько десятилетий, опустошение и хаос как следствие стремительной деидеологизации гуманитарной сферы середины 80-х – начала 90-х – отдельная тема, которую в данной статье можно лишь наметить.

Новый порядок начал отстраиваться к середине 90-х, группируя участников гуманитарно-образовательного процесса вокруг трех основных «гнезд»: фонды (гранты), переводческие программы [11], образовательные структуры (средние и высшие), а также журналы²² и издательства. «В России есть журналы, которые стали не просто коммуникационной средой (медийными проектами, как сейчас принято говорить), но новыми формами научной жизни и новыми местами знания. Это особые зоны обмена и встречи разных социальных миров, а тем самым и производства нового знания, аналоги современных технопарков и «инкубаторов», но для гуманитарного знания»²³. Новое место гуманитарных знаний и «зона обмена», а следовательно, место активного структурирования гуманитарной среды – кафе «Билингва», клубная сеть Института национального проектирования, клуб и издательство «Русского института». Практически каждая из этих сетей связана с университетом, ведет самостоятельный учебно-образовательный проект и опирается на издательский холдинг. Сегодня существуют разные гуманитарные среды, автономные и пересекающиеся, устроенные по принципу более-менее открытых профессиональных сообществ, в своей основе использующих клубную схему функционирования. Правда, прикрепленность, «прописка», «членство» в том или ином клубе, сообществе в настоящий момент категория достаточно зыбкая

²¹ ФЭП – своеобразная образовательная площадка, «мини-университет», где изучают реальную историю и политику, соединяет несколько типов программ: консультационную, исследовательскую, медийную. С 2005 года активно сотрудничает с РГГУ.

²² Интеллектуальные журналы. Беседа с Борисом Дубиним // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006. С. 50–57.

²³ Александров Д. Места знания: институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 97–112.

и подвижная [12], а проблема самоидентификации гуманитариев – один из самых дискуссионных вопросов²⁴, не в последнюю очередь шлифуемый и тиражируемый СМИ.

Одним из основных центров, вокруг которого формируется гуманитарное пространство эпохи «нулевых», становится Интернет, а точнее – Живой журнал. В личных блогах, а также в блогах профессиональных сообществ люди могут вести диалог, не ограниченный какой-либо цеховой территорией. Из этого пространства векторы расходятся в самых разных направлениях, проходят через клубы, образовательные площадки, масс-медиа и нередко стимулируют жизнь сообществ. В результате складывается новый язык коммуникации, подтверждается идея независимого, неподцензурного пространства или, точнее, происходит поиск границ той территории, на которой всегда можно договариваться. На этой территории функционируют новые «кустовые», структурообразующие люди. Вокруг них гуманитарная среда отчасти и образуется.

Очень важно, что эта среда в ее современном виде структурируется прежде всего вокруг идеи реального согласия, выработки диалоговой системы, постановки реальных задач, при решении которых центр тяжести переносится с привычного для гуманитария персонализма на имперсональную деятельность. Это новая страница, открыть которую в прежних институтах, настроенных на подавление, было чрезвычайно трудно.

Гуманитарная среда «нулевых» ждет накопления и концептуальной систематизации материалов каждого направления. Без такой первичной, рутинной работы невозможно понимание состояния научных исследований и гуманитарного образования, т. е. двух сфер, напрямую связанных друг с другом.

Литература

1. Абсолютным исключением на фоне работ «исторического реванша» 80–90-х, якобы восстанавливающих историческую справедливость, является кн.: *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004; *Он же.* Человек и наука. Из записей археолога. М., 2005.
2. Характерна недавняя полемика ученых по поводу ряда ключевых эпизодов истории гуманитарной науки 20–50-х годов, вызванная следующими публикациями: *Константин А. Богданов.* Наука в эпическую эпоху: классика фольклора, классическая филология и классовая солидарность // Новое Литературное обозрение. 2006. № 78; *Его же.* Гуманитарий – где, когда и почему: социометрия и (русский) язык // Новое Литературное обозрение. 2006. № 81. В статьях Н. В. Брагинской (Лукавая буква // Новое Литературное

²⁴ См.: *Козлова Н. Н.* Гуманитарная интеллигенция: кризис и самоопределение // Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: Тезисы всероссийской теоретико-методологической конференции. Москва, 26–27 апреля 2000 г. М., 2000; см. также: *Козлова Н. Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.

обозрение. 2006. № 82) и Н. Н. Перлиной (Общий хор и отдельные голоса // Там же) предъявлена цена «злонамеренных» (по точному слову Н. В. Брагинской) фактических ошибок, не в последнюю очередь возвращающих к жизни советскую мифологию в упаковке новой методологии и моделирования процессов.

3. См. ежегодники «Наука в России»; дневники и мемуары российских гуманитариев 1920–1930-х В. Я. Проппа, О. М. Фрейденберг, Н. И. Гаген-Торн, И. М. Дьяконова, Б. Б. Пиотровского.

4. Один из подходов к изучению «скандальной» составляющей научной среды предложил в докладе на XIV Банных чтениях 2006 года Александров Д. – «Скандал как двигатель науки (прагматика и риторика академической провокации)». Он рассказал о частном эпизоде из истории российской молекулярной биологии как симптоматичном для социологии и истории науки вообще. В докладе Александрова скандал рассматривался как некая матрица развития знания: концепции и гипотезы, нелегитимные сегодня, могут стать легитимными завтра, если им удастся через провокацию (или иными способами) пошатнуть основы устаревшей парадигмы и на законных основаниях включиться в стандарты традиционной науки. Именно благодаря таким «скандалам» последняя получает возможность развиваться дальше. Схема, по которой строился данный анализ позитивного функционирования скандала в науке, отчасти напомнила модель жизни архаических сообществ. Этому способствовало рассуждение о науке в терминах «чистого» и «нечистого» (докладчик говорил даже о «грехе» ненаучности), о непроницаемости и узости границ между первым и вторым, а также о демонстративном периодическом нарушении этих границ, канонов, табу – трансгрессии, временно создающей ситуацию «сотрясения основ», за которой следует новая «стабильность» (см. отчет от конференции: Иванов В. Гуманитарий: ученый или художник? Меняющиеся критерии и границы гуманитарного знания. XIV Банные чтения // Новое литературное обозрение. 2006. № 80).

5. Отмечу в этой связи два беспристрастных и совсем не апологетических издания английских исследователей Бахтина: *Brandist Craig. The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture, and Politics*. London: Pluto Press, 2002; *The Bakhtin Circle: In the Master's Absence*. Manchester: Manchester U. P., 2004. А также ст.: *Кэрил Эмерсон. Двадцать пять лет спустя: Гаспаров о Бахтине* // Вопросы литературы. 2006. № 2.

6. «Дело» А. М. Некрича до сих пор не стало предметом специального анализа. См.: *Некрич Александр*. Отрекшись от страха. Воспоминания историка. Лондон, 1979. С. 307–318. Фрагменты книги из журнала «Нева» (1995. № 6) опубликованы на сайте <http://vivovoco.rsl.ru/VV/THEME/STOP/NEKRITCH.HTM>

7. Одновременно сходные задачи решались на других участках гуманитарной и творческой жизни. Вс. Н. Некрасов писал о сходных усилиях поэтов и художников, входивших в «Лианозовскую школу»: «Что это было? Разгребание завалов и руин. Есть там кто-нибудь живой? Шло кропотливое восстановление речи»²⁵.

8. *Драбкин Я. С. Самостоянье* // Век XX и мир. 1996. № 1. С. 96–117.

---

²⁵ Некрасов В. Н. Пакет. М., 1996. С. 118.

9. *Гуревич А. Я.* Историк среди руин. Попытка критического прочтения мемуаров Е. А. Гутновой // История – нескончаемый спор. М., 2005. С. 758–796; *Лысенко Е. М.* Леонид Пинский. Краткий биографический очерк // Пинский Л. Е. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 2002. С. 5–24.

10. В нашем распоряжении оказался архив бывшего первого секретаря Ленинского райкома КПСС В. А. Протопопова (предоставленный дочерью – Е. В. Протопоповой), в бумагах которого есть информация о проверках ОСИПЛа партийной организацией факультета в 70-х годах, а также рекомендации об установлении особого контроля и необходимости вмешательства вышестоящего партийного руководства в процедуру заключения хоздоговоров с НИИ, курируемыми райкомом. В результате такого вмешательства ряд крупных договоров с отделением с 1970-го по 1974 год были расторгнуты.

11. Проект «Переводная литература по общественным наукам» (Translation Project), осуществляемый Институтом «Открытое Общество» (Фонд Сороса) совместно с Центральным-Европейским университетом, начал реализовываться в России в 1996 году. С 1998 года Московское отделение Института «Открытое Общество» (Фонд Сороса) организовало еще один проект издания переводной литературы – «Университетская библиотека». Совместно в рамках обоих проектов был осуществлен перевод и издание более 400 западных фундаментальных исследований по основным социальным и гуманитарным дисциплинам. Задачей проектов являлось знакомство российского читателя с наиболее значительными образцами классической и современной зарубежной научной литературы, поддержка интеллектуальных издательств, а также сохранение отечественных традиций переводческого мастерства http://www.hse.ru/science/igiti/about_literature.shtml
<http://polit.ru/culture/2005/05/06/ryniskrsto.html>

12. Самый беглый взгляд на раздел в изданиях, обычно именуемый «Сведения об авторах», дает достаточно точные представления о характере профессиональной прикреплённости к той или иной сфере занятий и позволяет составить некую социальную «афишу», обобщенный портрет сегодняшнего гуманитария. Как правило, этот «портрет» предполагает совместительство нескольких «профилей» и «многогранность» – работу в образовательном секторе (в том числе научно-исследовательских институтах РАН), в медийно-издательских структурах, фондах и консультационных центрах. Такая ситуация стала складываться с конца 80-х – начала 90-х, когда усилились «миграционные потоки» в науку и гуманитарная часть стремительно вбирала в себя представителей иных профессий, стимулируемых к созданию «новых диаспор» краткосрочными и долгосрочными проектами и программами, а параллельно с этим гуманитарным бумом резко упало финансирование «традиционных» структур. Но проблема занятости в гуманитарной среде – это отдельная тема, которой, к примеру, почти противопоказаны такие вроде бы очевидные «измерители», как рабочие резюме, curriculum vitae, поскольку они предполагают «целевое» описание трудовой биографии, как правило, составляемой по конкретному запросу, не допускающему «лишней», непрофильной информации.